

оценочный оттенок. Вот что говорил, например, представитель Киргизии К. Омуркулов: «Мне трудно судить, как термин „двуязычный“ воспринимается в кругу столичных литераторов, но на местах, в республиках это нередко звучит как синоним некоторой ущербности. Надо, наверное, найти иной термин, иное определение для писателей, пишущих на двух языках. Может быть, следует исключить из обращения определение „двуязычный писатель“ и не выставлять его как особый клинический случай в медицинском музее, как существо о двух головах. И естественно спросить: *чей же он писатель, пишущий на двух языках?*» (курсив мой. — Н. М.) [5, с. 114].

Приведенное суждение в значительной мере дискуссионно. Но сама дискуссионность свидетельствует о неразработанности проблем современного художественного билингвизма, их многоаспектности, общественной злободневности и научной актуальности. Очевидно, эти проблемы не могут быть решены в рамках только литературоведческих исследований, они требуют своего конкретного лингвистического анализа. Выявление тематических и сюжетных особенностей произведения само по себе не играет решающей роли, если игнорировать их идейно-эстетическую сущность, которая воплощается разными приемами, разными средствами и разными языковыми формами. Именно анализ и изучение этих приемов способствует установлению национально-специфического начала, которое определяет взгляд автора на предмет изображения. При этом выделяется план воспроизведения и мировосприятия действительности, отражающий различные стороны национальной культуры, носителем которой выступает автор.

В этом аспекте, в частности, Л. Мартынов оценивает творчество Олжаса Сулейменова, проводя параллель с художественным билингвизмом писателей прошлого: «Вообще говоря, в том факте, что писатель, принадлежащий к одной национальности, пишет не на своем, а на другом языке, нет ничего сверхъестественного, история знает немало таких примеров. Сын молдавского господаря Дмитрия Кантемира, Антиох Кантемир, стал одним из родоначальников новой русской поэзии. Поляк Юзеф Теодор Конрад Коженевский сделался мастером английской художественной прозы, приняв имя Джозеф Конрад. Польского же происхождения юноша Гийом Альбер Владимир Аполлинарий Костровицкий прославил французскую поэзию под именем Гийома Аполлинера. Но если Конрад стал певцом экваториальных морей, а Аполлинер лишь изредка возвращался мечтами на восток Европы, к прародине, или, скажем, к запорожцам, пишущим письмо турецкому султану, то Олжас Сулейменов, казахский поэт, творящий на русском языке, целиком остается поэтом казахским, родным сыном этого прекрасного, гордого народа, истари сочетавшего свои надежды и чаяния с надеждами и чаяниями народа русского. Явление Олжаса Сулейменова живо воплощает все эти связи — житейские, географические, политические, этические, эстетические» [6].

Аналогичную позицию в оценке творчества советских авторов-билингвов разделяет узбекский писатель Тимур Пулатов: «Но возможна ли подлинная литература при следующих условиях: узбек пишет по-русски об узбекской жизни, т. е. посредством иного языка он пытается выразить свое кровное, национальное?». Отвечая на этот вопрос, Пулатов ссылается на творчество Чингиза Айтматова: «В стилистике повести Ч. Айтматова „Белый пароход“, где органически слились две стихии: русский язык и национальный материал, ясно ощущаешь какую-то совершенно иную языковую традицию (в данном случае киргизскую), особый внутренний ритм, переданный средствами русского языка. Несомненно, можно писать на русском языке так, что это будет все же „киргизское“ произведение» [7].

Данная характеристика со всем основанием может быть отнесена и к творчеству самого Тимура Пулатова. Вопросы двуязычия волнуют